

ЭЛИЗАБЕТ
ХОЙТ

Герцог
подуноги

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х 68

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Elizabeth Hoyt
DUKE OF MIDNIGHT

Перевод с английского *Н. Г. Бунатян*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения издательства Grand Central Publishing,
New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хойт, Элизабет.

Х 68 Герцог полуночи : роман / Элизабет Хойт ; [пер. с англ.
Н. Г. Бунатян]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-17-084630-6

Максимус Баттен, герцог Уэйкфилд, еще в детстве потерял родителей, погибших от рук преступников. Теперь же молодой аристократ по ночам превращается в таинственного мстителя в маске по прозвищу Призрак Сент-Джайлза и бродит по злачным местам Лондона в поисках убийц. Но однажды глубокой ночью Максимус спасает от гибели Артемис Грейвс — скромную девушку с душой прирожденной воительницы, готовую на все, чтобы спасти из заточения своего брата. Эта встреча становится для Максимуса и Артемис началом опаснейших приключений и пылкой, страстной, безумной любви...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-084630-6 © Nancy M. Finney, 2011
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Я знаю много историй, но среди них нет больше ни одной столь необычной, как эта легенда о короле Херла...

...из «*Легенды о короле Херла*».

*Лондон, Англия
Июль 1740 года*

Артемис Грейвс не хотелось считать себя трусливой, именно поэтому, заметив в полутемном переулке фигуру в маске, двинувшуюся к трем грабителям, уже угрожавшим самой Артемис и ее кузине, она сжала рукоять ножа, спрятанного в высоком ботинке.

Это казалось ей благоразумным.

Человек в маске был довольно крупным и носил костюм арлекина — черные с красным блестящие трико и тунику, высокие черные сапоги, шляпу с широкими мягкими полями и черную полумаску с огромным причудливым носом. Арлекины считались клоунами, потешавшими людей, но никто в переулке не смеялся. Арлекин двигался столь стремительно и грациозно, что у Артемис перехватило дыхание. Он был подобен хищной дикой кошке — и как дикая кошка действовал без промедления, бросившись на грабителей.

Артемис смотрела на него, все еще присев и сжимая рукой свой маленький кинжал. Она никогда еще не видела людей, сражавшихся подобным образом — с неким

свирепым изяществом; шпага же его мелькала с такой скоростью, что за ней невозможно было уследить.

Первый из троих его противников упал — и замер, не подавая признаков жизни, и леди Пенелопа Чедвик, кузина Артемис, в ужасе всхлипнула и постаралась отойти подальше от истекающего кровью мужчины. Второй грабитель устремился на арлекина, но тот ловко сбил его с ног ударом в лицо, а потом, бросившись на третьего противника, нанес ему удар в висок рукоятью шпаги.

Грабитель со стоном рухнул у стены дома, и тотчас же в узком полутемном переулке воцарилась гробовая тишина. И почему-то казалось, что ветхие дома по обеим его сторонам тоже вот-вот рухнут.

А арлекин, совершенно спокойный и невозмутимый, повернулся к Пенелопе, все еще плакавшей от страха у стены. Потом, молча повернув голову, посмотрел на Артемис.

Встретив холодный взгляд глаз, блесневших под зловещей маской, Артемис судорожно сглотнула. Когда-то она верила, что большинство людей добры, что Господь заботится о ней и что если быть честной, хорошо вести себя и всегда сначала предлагать последний кусок малинового пирога кому-нибудь другому, то в конце концов все сложится к лучшему. Но это было прежде — до того, как она лишилась семьи и мужчины, который заявлял, что любит ее больше, чем само солнце; до того, как любимого брата несправедливо заточили в психиатрическую лечебницу, в Бедлам; до того, как она осталась в полном одиночестве и дошла до такого отчаяния, что расплакалась от радости, когда ей предложили место компаньонки ее легкомысленной кузины.

Прежде Артемис пала бы на колени перед этим мрачным арлекином, пала бы с возгласами благодарности за спасение. Но сейчас она, прищурившись, смотрела на мужчину в маске и пыталась понять, почему он пришел

на помощь двум одиноким женщинам, бродившим среди ночи по опасным улицам Сент-Джайлза.

Артемис поморщилась, решив, что, возможно, стала излишне подозрительной.

А арлекин вдруг подошел к ним и остановился, возвышаясь над обеими. Артемис заметила, как взгляд его пронзительных глаз переместился с ее кинжала выше, к лицу, а губы скривились насмешливо. Или, может быть, в улыбке сочувствия? Как ни странно, ей очень хотелось это знать. Да, для нее действительно было важно знать, что незнакомец думал о ней. И вообще, что он собирался делать с ними обеими?

Не спуская с Артемис взгляда, мужчина убрал свою короткую шпагу, зубами стянул перчатку и протянул ей руку. Артемис посмотрела на предложенную руку и до того, как вложила в нее свою, заметила тусклый блеск золота на мизинце незнакомца. Горячая рука крепко стиснула ее руку, и он привлек девушку к себе, так что Артемис оказалась в каких-то нескольких дюймах от него. Когда же она подняла голову, то вдруг заметила, что мужчина внимательно рассматривает ее — словно он искал что-то в ее лице.

Сделав вдох, Артемис открыла рот, собираясь задать вопрос, но в этот момент Пенелопа бросилась арлекину на спину.

Пенелопа громко кричала — очевидно, обезумев от страха, — и молотила арлекина кулаками по широким плечам.

Он, конечно, отреагировал: повернулся и тут же, выпустив руку Артемис, локтем отодвинул от себя Пенелопу. Однако Артемис почти в тот же миг почувствовала, что в ладони у нее что-то осталось. А мужчина, покинув их с кузиной, быстро зашагал по узкому переулку.

— Он мог убить нас! — закричала Пенелопа задыхаясь; ее волосы растрепались, а на хорошеньком личике была царапина.

— Убить?.. — переспросила Артемис, глядя в конец переулка, туда, где только что исчез мужчина в маске.

— Это был Призрак Сент-Джайлза, — ответила кузина. — Неужели ты его не узнала? Говорят, он насильник и хладнокровный убийца!

— Для хладнокровного убийцы он оказался весьма благородным человеком, — отозвалась Артемис, наклоняясь, чтобы взять фонарь, который поставила на землю, когда в переулке появились грабители, и который, к счастью, не пострадал во время стычки. Артемис с удивлением увидела, что свет фонаря колеблется. Сообразив, что это у нее дрожит рука, она сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться. — Но ты храбро защищала меня, — поспешно добавила она заметив, что кузина нахмурилась.

— Правда?! — просияла Пенелопа. — Да, я прогнала страшного негодяя! Это даже приятнее, чем в полночь выпить рюмку джина в Сент-Джайлзе. Уверена, на лорда Физерстоуна наш рассказ об этом произведет большое впечатление.

Театрально закатив глаза, Артемис отвернулась; ей очень не нравился этот лорд Физерстоун. Именно он, глупый светский болтун, подбил Пенелопу заключить безумное пари — в полночь отправиться в Сент-Джайлз, чтобы выпить джина. Из-за лорда Физерстоуна их едва не убили... или того хуже.

И они до сих пор еще не выбрались из Сент-Джайлза.

Если бы только Пенелопе не вздумалось стать бесстрашной — отвратительное слово! — ради того, чтобы привлечь внимание некоего герцога, она, возможно, не поддалась бы нелепому подзадориванию лорда Физерстоуна.

Сокрушенно покачав головой, Артемис вышла из переулка и зашагала по одной из узких улиц Сент-Джайлза, то и дело озираясь по сторонам. Миновав зловонную сточную канаву, расположенную прямо посередине улицы, Артемис невольно поморщилась.

Пенелопа же молчала и покорно следовала за кузиной. Когда из какого-то покосившегося здания вышла сторбленная фигура, Артемис вздрогнула, приготовившись бежать. Но человек этот — то ли мужчина, то ли женщина, — увидев их, поспешил скрыться.

Однако Артемис больше не расслаблялась, пока они не свернули за угол и не увидели экипаж Пенелопы, дождавшийся их на этой довольно широкой улице.

— Вот мы и пришли, — сказала Пенелопа, словно они возвращались с обычной прогулки по Бонд-стрит. — Это было захватывающее приключение, правда?

Артемис в изумлении взглянула на кузину — и вдруг уловила какое-то движение на крыше здания на противоположной стороне улицы. А потом она увидела притаившуюся там атлетическую фигуру. Мужчина же в насмешливом приветствии поднял руку к полям шляпы, и по телу Артемис пробежала нервная дрожь.

— Идем же быстрее, — сказала Пенелопа, поднимавшаяся по ступенькам экипажа.

— Иду, кузина, — отозвалась Артемис. Оторвав взгляд от зловещей фигуры и забравшись в экипаж, она опустила на бархатную синюю подушку.

«Он шел за нами? Зачем? — спрашивала себя Артемис. — Чтобы узнать, кто мы такие? Или хотел убедить, что мы благополучно добрались до экипажа?»

Нет-нет, не следовало предаваться романтическим фантазиям. Да и глупо было ожидать, что Призрак Сент-Джайлза станет беспокоиться о безопасности двух легкомысленных леди; у него несомненно имелись какие-то другие причины преследовать их.

— Не могу дождаться, когда расскажу герцогу Уэйкфилду о моем сегодняшнем ночном приключении, — прервала Пенелопа размышления Артемис. — Уверена, что он будет страшно удивлен.

— Хм-м-м... — неопределенно протянула Артемис. Пенелопа была очень красива, — но нужна ли герцогу жена с куриными мозгами? И действительно, какая

разумная женщина отправится ночью в Сент-Джайлз? Способ, которым Пенелопа пыталась привлечь внимание герцога, выглядел, мягко говоря, весьма странным. На мгновение сердце Артемис сжалось от жалости к кухне, — но лишь на мгновение.

Ведь Пенелопа являлась одной из богатейших наследниц в Англии, а ради горы золота на многое можно закрыть глаза. К тому же Пенелопу, обладавшую черными, как вороново крыло, волосами, молочно-белой кожей и ярко-голубыми глазами, считали одной из первых красавиц королевства. Многим мужчинам было, наверное, все равно, что творилось в голове у женщины с такой очаровательной внешностью.

Тихонько вздохнув, Артемис попыталась не слушать глупую болтовню кухни. Однако ей следовало быть к ней более внимательной, ведь ее собственная судьба была неразрывно связана с судьбой Пенелопы. Да-да, ей предстояло жить в том доме и в той семье, с которой, выйдя замуж, свяжет свою жизнь Пенелопа — если, конечно, кухня после свадьбы не решит, что ей больше не нужна компаньонка.

Пальцы Артемис крепко сжались вокруг того предмета, что оставил у нее в руке Призрак Сент-Джайлза. Перед тем как подняться по ступенькам, она при свете от фонаря экипажа мельком заглянула в ладонь — это был золотой перстень-печатка с красным камнем. Кольцо, наверное, случайно соскользнуло с пальца Призрака, выглядело оно старинным и очень дорогим. Было ясно, что такое кольцо мог носить только аристократ.

Максимус Баттен, герцог Уэйкфилд, проснулся так же, как просыпался всегда, — то есть с горьким ощущением неудачи.

Несколько секунд, не открывая глаз, он лежал на своей огромной кровати под балдахином, вспоминая темные длинные локоны, плавающие в кровавой луже.

А потом, потянувшись, положил правую руку на запертую шкапулку, стоявшую на столе возле кровати — в ней находились изумрудные подвески из ее ожерелья, собранные за долгие годы настойчивых поисков. Однако ожерелье было неполным, и Максимус приходил в отчаяние при мысли о том, что, возможно, никогда не соберет его целиком — это будет главная его неудача, и она навсегда останется на его совести.

А теперь его постигла новая беда... Максимус согнул левую руку и ощутил необычную легкость. Прошедшей ночью он где-то в Сент-Джайлзе потерял отцовское кольцо — фамильное кольцо, и это еще одно преступление, которое следовало добавить к длинному списку его непростительных грехов.

Максимус осторожно потянулся, стараясь выбросить из головы эти мысли — ему следовало встать и заняться делами. В правом колене ощущалась тупая боль, а в левом плече что-то сместилось — очевидно, это были последствия драки.

— Доброе утро, ваша светлость, — сказал его камердинер Крейвен, стоявший у гардероба.

Молча кивнув, Максимус откинул одеяло и, абсолютно нагой, поднялся с кровати. Чуть прихрамывая, он подошел к комоду с мраморной крышкой и зеркалом. Там его уже ждал таз с горячей водой, а бритва, только что заточенная Крейвеном, появилась рядом с тазом, как только Максимус намылил подбородок.

— Вы сегодня утром будете завтракать с леди Фебой и с мисс Пиклвуд? — поинтересовался Крейвен.

Хмуро глядя в зеркало в золотой раме, Максимус приподнял подбородок и коснулся бритвой шеи. Его младшей сестре Фебе было всего двадцать; когда же Геро, другая его сестра, несколько лет назад вышла замуж, он решил забрать Фебу и кузину Батильду Пиклвуд к себе в Уэйкфилд-Хаус. Ему было приятно, что сестра находилась под его присмотром, но необходимость делить жилище — даже такое просторное, как

Уэйкфилд-Хаус, — с двумя леди иногда мешала другим его занятиям.

— Сегодня... нет, — решил Максимус, сбривая щетину с подбородка. — Прошу вас, передайте мои извинения сестре и кузине Батильде.

— Да, ваша светлость.

Герцог увидел в зеркале, как камердинер, прежде чем вернуться к гардеробу, приподнял брови в немом уворе. Максимус не выносил осуждения — даже молчаливого, — но Крейвен — это особый случай; он ведь пятнадцать лет был камердинером еще у его отца, а затем вместе с титулом «перешел по наследству» к Максимусу.

У Крейвена было вытянутое лицо, а от вертикальных складок по обеим сторонам рта оно казалось еще более длинным. Ему, вероятно, было сильно за пятьдесят, но по внешности возраст нельзя было определить: он выглядел так, что ему можно было дать от тридцати до семидесяти. И несомненно, Крейвен останется таким же до тех пор, когда сам Максимус станет трясущимся стариком без волос на голове.

Усмехнувшись про себя, герцог постучал бритвой о фарфоровую чашу, стряхивая с лезвия мыльную пену и волоски. А Крейвен у него за спиной принялся раскладывать на кровати одежду хозяина — белье, носки, черную рубашку, жилет и панталоны.

Чуть повернув голову, Максимус в последний раз поскреб кожу на скуле и протер лицо влажной салфеткой. После чего спросил:

— Вы раздобыли информацию?

— Конечно, ваша светлость.

Взяв бритву, Крейвен осторожно протер лезвие и положил ее в обтянутый бархатом футляр так бережно, словно бритва являлась останками какого-то древнего святого.

— И что же? — поинтересовался он.

— Насколько мне удалось выяснить, — начал Крейвен, прочистив горло, как будто собирался декламировать стихи перед королем, — финансы графа Брайтмора в полном порядке. Помимо своих двух поместий в Йоркшире — оба с пахотной землей, — он владеет тремя угледобывающими рудниками в западном Райдинге и металлургическим заводом в Шеффилде, а недавно приобрел акции Ост-Индской компании. В начале года он открыл четвертый угольный рудник, но при этом у него образовался некоторый долг. Впрочем, сообщения с рудника весьма благоприятные, и, по моей оценке, долг весьма незначительный.

Что-то проворчав себе под нос, Максимус принялся одеваться.

— Что же касается дочери графа Пенелопы Чедвик, — продолжал Крейвен, — то хорошо известно, что лорд Брайтмор собирается предложить очень приличную сумму, когда она обвенчается.

— Сколько именно? — осведомился герцог. — Вам это известно?

— Конечно, ваша светлость. — Достав из кармана записную книжку, Крейвен лизнул палец, перелистал несколько страниц и, глядя в свои записи, назвал такую огромную сумму, что Максимус даже усомнился в достоверности этой информации.

— Боже правый! Крейвен, вы уверены?..

— Я получил сведения из авторитетного источника — от старшего помощника поверенного графа, довольно неприятного джентльмена, не способного удержаться от дармовой выпивки.

— А-а... понятно. — Максимус расправил шейный платок и надел жилет. — Значит, остается сама леди Пенелопа, верно?

— Именно так. — Крейвен убрал в карман записную книжку и, поджав губы, уставился в потолок. — Леди Пенелопе Чедвик двадцать четыре года, и она — единственная наследница своего отца. Несмотря на зятя-

нувшееся девичество, у нее нет недостатка в кавалерах. Но она остается незамужней, очевидно, исключительно из-за своих собственных... э-э... необычайно высоких требований.

— Слишком разборчива?

— По-видимому, так, ваша светлость, — Крейвен поморщился. — Других причин просто быть не может.

— Продолжим вниз, — сказал Максимус, открывая дверь спальни.

— Да, ваша светлость, — кивнул Крейвен и зажег свечу от камина.

За дверью спальни находился коридор, а слева от него протянулась широкая лестница, ведущая в общие помещения Уэйкфилд-Хауса.

Максимус свернул направо, и Крейвен поспешил последовать за ним по проходу, который вел к лестнице для слуг и тем комнатам, где редко бывал кто-либо, кроме самого хозяина дома. Открыв дверь, отделанную так, чтобы она не отличалась от деревянных панелей в коридоре, Максимус пошел вниз, стуча башмаками по непокрытой ковром лестнице. Миновав кухню, он продолжил спускаться по ступенькам, неожиданно закончившимся перед обычной деревянной дверью. Достав из жилетного кармана ключ, герцог отпер дверь. За ней находился еще ряд ступенек, но они были каменными и такими древними, что на них образовались углубления, протоптанные ногами давно умерших людей.

Пока герцог спускался по ступенькам, Крейвен зажигал свечи, вставленные в держатели на каменных стенах.

Минуту спустя, чуть пригнувшись, Максимус прошел через каменную арку в небольшую комнату с мощеным полом. Мерцающий свет свечи позади него освещал древние каменные стены, на которых кое-где были нацарапаны рисунки — какие-то символические знаки и изображения людей, — сделанные, очевидно,

еще в дохристианскую эпоху. Прямо перед ним находилась еще одна дверь — из почерневшего от времени дерева. Максимус отпер ее и распахнул.

За дверью располагался обширный подвал с неожиданно высоким потолком, образовывавшим свод, а вдоль этого «зала» стояли массивные колонны с капителями, украшенными грубо высеченными фигурами. Отец и дед Максимуса использовали подвал как винный погреб, но это помещение, судя по всему, изначально являлось местом поклонения какому-то древнему языческому божеству.

Тут Крейвен закрыл дверь, и Максимус начал снимать жилет. Казалось пустой тратой времени каждое утро одеваться, а потом, через пять минут, снова раздеваться, но герцог давно уже привык поступать именно так.

Крейвен кашлянул, и Максимус, не оборачиваясь, буркнул:

— Продолжайте.

Теперь он стоял в одном белье и смотрел вверх — на ряд металлических колец, вделанных в каменный потолок.

Камердинер же, снова откашлявшись, проговорил:

— Леди Пенелопу считают одной из самых знаменитых лондонских красавиц, и она действительно очень хороша собой.

Подпрыгнув, Максимус обхватил руками колонну, просунул пальцы ног в трещину, затем ухватился за небольшой выступ, находившийся, как он знал, у него над головой, после чего, кряхтя, потянулся к ближайшему металлическому кольцу в потолке. Однако дотянуться до него было не так-то просто.

— Только в прошлом году за ней ухаживали по меньшей мере два графа и один иностранный князек, — продолжал Крейвен.

— Она девственница? — Вытянув руку, Максимус оттолкнулся от колонны и, наконец, ухватился за кольцо одной рукой. Он почувствовал, как напряглись

мускулы на плечах, когда всем своим весом качнулся в сторону следующего кольца, а потом дальше — к следующему.

— Несомненно, ваша светлость, — говорил внизу Крейвен, пока герцог перемещался с кольца на кольцо, туда и обратно по подземной комнате. — Правда, леди любит немного повеселиться, но она, по-видимому, все же понимает, как важно сохранять благоразумие.

Схватившись за очередное кольцо, Максимус усмехнулся. Это кольцо находилось немного ближе к предыдущему, чем остальные, и он повис между ними на обеих руках. Немного помедлив, Максимус вытянул перед собой ноги, а затем, медленно складываясь пополам, едва не коснулся пальцами ног потолка у себя над головой. Глубоко дыша, он удерживал это положение, пока у него не начали дрожать руки.

— Я бы не назвал ее нынешнее ночное путешествие благоразумным, — заметил герцог.

— Пожалуй, так, — согласился Крейвен. — Кроме того, я обязан вам доложить: хотя леди Пенелопа занимается вышиванием, танцами, игрой на клавесине и рисованием, считается, что она не обладает особым талантом ни в одной из этих областей. И те, кто ее знает, не слишком высоко оценивают остроумие леди Пенелопы. Конечно, нельзя сказать, что разум леди каким-то образом поврежден, просто она... э-э...

— Дурочка?

Крейвен хмыкнул и взглянул вверх. И в тот же миг Максимус, отпустив металлические кольца, легко приземлился на носки, а потом подошел к низкой скамье, где лежал набор пушечных ядер разного размера. Выбрав то, которое легко помещалось у него в ладони, он пристроил его на плече, разбежался по подвалу — и метнул ядро в груды соломенных тюфяков, специально для этой цели сложенных у дальней стены подвала. Пробив солому, ядро ударилось о каменную стену.

— Хорошо исполнено, ваша светлость. — Крейвен позволил себе улыбнуться, когда Максимус обернулся, и от этого выражение его лица сделалось необычайно комичным. — Соломенные тюфяки, без сомнения, страшно напуганы.

— О господи, Крейвен... — Максимус с трудом удержался от смеха, ибо никому не позволено смеяться над герцогом Уэйкфилдом — даже ему самому.

— Хорошо-хорошо. — Камердинер прочистил горло. — Итак, в итоге: леди Пенелопа очень богатая, очень красивая, очень модная и веселая, но она не обладает особыми умственными способностями или же... э-э... инстинктом самосохранения. Вычеркнуть ее из списка, ваша светлость?

— Нет. — Взяв другой свинцовый шар, Максимус повторил с ним предыдущее упражнение; когда же от стены откололся кусочек камня, он взял себе на заметку, что следовало принести вниз еще соломы.

Обернувшись, Максимус обнаружил, что Крейвен смотрит на него с недоумением.

— Значит, ваша светлость желает, чтобы его невеста была... э-э... — Камердинер в очередной раз откашлялся.

Максимус строго посмотрел на него, однако промолчал. Прежде у них уже было подобное обсуждение, и Крейвен просто составил список самых важных качеств, необходимых будущей жене герцога. Здравый смысл — или его отсутствие — такое даже не приходило в голову ни одному из них. Но когда Максимус увидел ясные серые глаза и выражение решительности на женском лице... О, в этот момент для него все изменилось.

Да-да, мисс Грейвс принесла в Сент-Джайлз нож — у нее над ботинком был отчетливо виден блеск металла, — и было совершенно очевидно, что она вполне могла бы воспользоваться им. Увидев ее тогда, Максимус не мог ею не восхищаться. Да и какая из его знакомых дам могла проявить такое непреклонное мужество?